

Господин Великий Новгород //Русич, Смоленск, 1994
ISBN: 5-85689-021-3
FB2: Ego <ego1978@mail.ru >, 2007-08-04, version 1.01
UUID: a76fb5a8-93cf-102a-94d5-07de47c81719
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Эдуардович Гейнце

Первая подлость
(Рассказы)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0008
III.....	.0012

Николай Эдуардович Гейнце
Первая подлость (*рассказ*)

— Ты там что ни говори, мой милый, — заплетающимся языком ораторствовал Коко Вельяшев, видимо усердно вкусивший от яств и в особенности питей, остатками которых в изобилии был уставлен стол отдельного кабинета одного из шикарных французских ресторанов, обращаясь к находившемуся тоже в сильном подпитии Сержу Бетрищеву, — а тебе до меня, Поля и Пьера далеко, ты перед нами, извини... младенец, далеко не знающей жизни... Жизнь... это запутанная, трудная книга, для изучения ее необходимо время, ты в свои двадцать два, двадцать три года, еще только начал читать ее и дочел едва до пятой главы, а Поль, Пьер и я, нам уж под сорок, мы уже дочитываем двадцатую главу... и, увы, скоро, пожалуй, увидим короткое слово: «конец».

Серж Бетрищев стал горячо возражать. К чему же в таком случае служат ему его деньги, которые он швыряет направо и налево, его кутежи, если ценой этого он не приобрел опытности. Он не пожелал окончить курса,

он бросился в жизнь, в самый омут петербургской жизни, и ему кажется, что едва ли они, более зрелые, чем он, летами, могут научить его чему-нибудь новому, им не испытанному...

Но Поль и Пьер, пьяными голосами, грузно облокотившись на стол, сквозь зубы, в которых держали дорогие сигары, выразили свое полное согласие с Коко Вельяшевым и забросали Сержа далеко не лестными для него эпитетами:

– Мальчишка!

– Щенок!

Бетрищев вскочил, обиженный, уничтоженный...

Вельяшев положил ему руку на плечо, усадил снова и начал говорить авторитетным тоном:

– Не сердись, дружище, ты очень милый, хороший товарищ, богат, великодушен и щедр, мы очень любим тебя... но все-таки тебе нельзя тягаться с нами в знании жизни... Ты вот претендуешь на это знание, говоришь, что испытал в жизни все... тогда ответь мне на следующий вопрос... чтобы быть совер-

шенно опытным в жизни человеком, прошедшим, как говорится, огонь и воду и медные трубы, надо иметь в своем прошлом известное количество совершенных подлостей... это неизбежно... Так, у Поля – его женитьба... у Пьера – его любовь к старушкам... у меня сплошь вся моя жизнь...

Вельяшев остановился, в его голосе звучала пьяная откровенность.

– А у тебя? – после некоторой паузы уставился он на Сержа своими осоловелыми глазами.

– У меня... – пробормотал последний, совершенно пьяный и совершенно смущенный, – у меня... Я не знаю... за собой ничего такого...

– Вот видишь ли... – вставил слово Пьер... – значит, еще ты не дорос... но не беспокойся... это придет само собой...

– И очень скоро... – воскликнул Бетрищев... – и в доказательство этого я прошу у вас срока только три дня... Я сообщу вам о моей совершенно свежей первой подлости...

Все три прихлебателя расхохотались...

– Когда?

– Где?

– Сегодня четверг... Итак, в понедельник... мы пообедаем у Фелисьена... в шесть часов... Первый явившийся выберет кушанья и вина...

– Это буду я... – заметил уверенно Поль.

– Человек... счет... – обратился Серж к явившемуся на звонок лакею и по обыкновению заплатил за ужин.

Собутыльники расстались.

На другой день Серж Бетрищев проснулся часов в двенадцать с совершенно свежей головой. Сон молодости уничтожил последствия бурно проведенной ночи.

Это всегда бывает с теми, кто в книге жизни читает еще только пятую главу. Его товарищи, дочитывающие, по их собственным словам, двадцатую, чувствовали себя, вероятно, на другой день далеко не так хорошо.

Проснувшись, Бетрищев тотчас вспомнил о подлости, которую он должен был совершить в эти четыре дня, под страхом уронить себя окончательно во мнении опытных прожигателей жизни; Коко, Пьера и Поля.

Он глубоко задумался, и начало интрижки, которую он намеревался закончить до понедельника, восстало в его памяти.

На прошлой неделе он случайно встретился на улице с своим другом детства и товарищем по гимназии – Урбановым, которого в течение десяти лет он совершенно потерял из виду...

Радость встречи была сердечная и взаим-

ная... Урбанов два года уже как женился... Это был брак по любви, а не по расчету... Он усердно работал для своей маленькой женушки – Лизы... совершенной куколки, хорошенькой, изящной... В их квартире раздавались чаще звуки поцелуев, чем шелест ассигнаций... но... они еще успеют разбогатеть... под старость...

Урбанов затащил Бетрищева к себе обедать, главным образом, чтобы познакомить его с своей женой, Елизаветой Андреевной, как представил он ее.

Та приняла старого друга своего мужа с распростертыми объятиями и, хотя обед был очень скверный, Бетрищев не соскучился... Как-то особенно легко дышалось в их маленькой квартирке на пятом этаже, казалось, какое-то внутреннее солнце освещало ее далеко не изящные стены.

Молодая женщина с нескрываемым наивным восторгом рассматривала Сержа, этого богатого юношу, изящно одетого, цвет его галстука, драгоценные камни, блестящие в его булавке и в кольцах, на выхоленных породистых руках...

Несколько раз не ее светлые глазки набегало какое-то облачко грусти... и она особенно пристально, с какой-то затаенной мыслью смотрела на друга своего мужа. Урбанов веселый и счастливый, не замечал ничего...

Когда Бетрищев стал прощаться, Елизавета Андреевна в передней нервно пожала ему руку и проговорила чуть слышно:

– О... если бы вы только пожелали...

– Заходи... почаще... ты теперь знаешь дорогу... – крикнул ему вслед Урбанов, перегнувшись через перила лестницы.

Об этой-то Елизавете Андреевне и вспомнил Серж, возымеv «благое намерение» совершить первую подлость. Он ей понравился, это несомненно. Да и что же в этом удивительного? Он... красив... богат... Остальное пойдет как по маслу... Обмануть своего старого товарища... совратить с истинного пути эту женщину – полуробенка... до сих пор такую любящую, такую верную... разбить его счастье... убить эту любовь... разве это не будет подлостью высшей пробы... приятной и шикарной?..

– Я начну с сегодняшнего дня... – пробормо-

тал Бетрищев. – Днем... Урбанов на службе... мы будем вдвоем... Это так просто...

Оказалось, впрочем, что это не совсем просто, так как, когда наступил час, он отложил свой визит на завтра, завтра на следующий день и так далее... Наконец наступил понедельник... откладывать было более нельзя... если только он желал вечером заслужить одобрение своих «почтенных» руководителей Коко, Поля и Пьера.

— Это вы!.. – радостно воскликнула Елизавета Андреевна, увидав входящего Бетрищева, – но мужа нет дома...

– Очень жаль... но я этого ожидал... – отвечал он веселым тоном, затворяя дверь. – Я и пришел побеседовать с вами... только с вами...

– Вот как...

Она посмотрела на него удивленно – любопытным взглядом, застигнутая врасплох в своих занятиях по хозяйству, одетая в простенькое домашнее платье, но все-таки прелестная, молодая, свежая, грациозная.

– Да, я хотел попросить у вас одно объяснение...

– В таком случае садитесь... здесь... около меня... и я вас слушаю...

Тогда без всяких предисловий Бетрищев спросил ее, что значила произнесенная ею при прощании с ним в последний раз фраза: «Если бы вы только желали»...

Она опустила голову, покрасневшая, сконфуженная... и, наконец, печально тихо произ-

несла:

– Я виновата... забудьте... об этом...

Но Бетрищев уже обнял ее за талию и привлек к себе.

Она вырвалась и встала:

– Милостивый государь!..

Тон ее изменился. В нем прозвучали ноты оскорбленного самолюбия честной женщины, вполне искренние ноты.

– Что с вами? Что же тут такого? – изумился он.

Она медленно заговорила. Она бы должна его выгнать тотчас же, но ее муж говорил ей... что он в гимназии был его единственным другом, почти братом... И он, красивый, богатый, который имеет свободный выбор между множеством женщин, которому стоит лишь протянуть руку, чтобы все желания его исполнились, он вознамерился обворовать ее мужа, ее бедного мужа, у которого единственное сокровище – она!..

Бетрищев встал.

– Это верно... – подтвердил он... – я подлый, низкий скот... Но если бы вы знали!..

И он последовательно рассказал ей свою

жизнь, обрисовал своих приятелей Коко, Поля и Пьера, их гнусную философию жизни, свое пари на подлость, доведшее его до этого поступка.

Она слушала его с широко открытыми глазами и по временам произносила:

– Так вот каковы... эти богатые... Тогда я бы предпочла остаться бедной...

Он на коленях стал просить у нее прощения, снова обратившись в ребенка, и главное, снова обратившись в хорошего мальчика, каким он был; он умолял ее ничего не говорить ее мужу, которого он все-таки любил. Он казался таким огорченным, таким искренним, что она простила и улыбнулась.

В сущности женщина всегда польщена, в какой бы форме за ней не ухаживали... в особенности честная женщина.

– Но эта фраза? – снова начал он, – эта фраза: «если бы вы только пожелали»?.. Что она значит?

– Ничего! – отвечала она снова взволнованная. – Мой муж бранил меня... я была виновата... я вам повторяю... вдвойне виновата... вы теперь это видите сами.

Он продолжал настаивать на объяснении...

Мало-помалу она высказывалась, видя, что он так богат, слыша, что он говорит так легко о суммах, для нее баснословных, о пари в несколько тысяч рублей, безумно брошенных без всякой надежды возврата, она подумала, что ее муж и она с двумя или тремя тысячами рублей, которые бы они после возвратили, могли бы выйти из своего бедственного положения. От друга детства, она полагала, можно, не краснея, принять эту помощь, но ее муж, с первого ее слова, разбранил ее, разбранил в первый раз в жизни, отвергнув самую мысль об этом.

Бетрицев слушал с нескрываемым волнением.

– Боже мой, не только две– три тысячи, а пять, десять, если вы хотите... Я поговорю с вашим мужем... я заставлю принять от меня их в знак моей дружбы.

– В самом деле... радостно воскликнула она... И... вы будете... всегда... умница...

– Клянусь вам... О, как я доволен... Не презирайте меня... я был совершенным идио-

том... жизнь меня испортила... Как все это глупо...

Он пожал ее руку. Они расстались.

На улице он вспомнил:

– Однако, где же моя подлость?

Он посмотрел на часы, было пять часов вечера. Вельяшев, Поль и Пьер, вероятно, уже ждут у Фелисьена и заказали обед.

Бетрицев улыбнулся и отправился на ближайшую телеграфную станцию.

Там он написал и отправил телеграмму:

«Ресторан Фелисьена. Вельяшеву. Эта телеграмма будет получена вами тогда, когда, вероятно, вы уже начали обедать, так как с мальчиком, подобным мне, нечего стесняться. Обед, вероятно, хорош, так как вы же его и заказали. Мне предстояло за него заплатить, но... я не приеду... Думаю, что у вас троих в карманах не найдется и пятнадцати рублей. Выпутывайтесь как знаете... Вот моя «первая подлость».